(cc) BY

Траленко Сергей Геннадьевич
студент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ И ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация*: в статье подробно раскрывается сущность возникающих на практике проблем и препятствий в процессе признания решений иностранных судов. Оценивается влияние возникающих проблем на положение Российской Федерации в мировой экономике и перспективы развития международных коммерческих отношений в условиях современных тенденций, выявленных при анализе судебной практики. Деятельность судов в работе оценивается как инструмент обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации.*

Ключевые слова*: иностранные арбитражные решения, признание иностранных арбитражных решений, иностранный арбитраж, финансовый суверенитет, коммерческая деятельность.*

Возможность признания и приведения в исполнение решения судов иностранных государств, которые принятые по спорам, возникающим при осуществлении коммерческой (предпринимательской) деятельности, в том числе решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей, которые приняты на территории иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, предусматривается законодательством Российской Федерации.

Порядок признания и приведения в исполнение решение иностранного суда и иностранного арбитражного решения подразумевает подачу заявления стороной спора, который рассмотрен иностранным судом или третейским судом, в арбитражный суд.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Помимо положений законов РФ, основополагающим нормативным актом, распространяющим свою юрисдикцию на множество государств, является Конвенция «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», которая была принята дипломатической конференцией Организации Объединенных Наций 10 июня 1958 года и вступила в силу 7 июня 1959 года.

Анализируя судебную практику по соответствующей категории дел, можно выделить некоторые особенности. В их числе – тенденцию по защите бюджетных средств в безусловном характере, если в их отношении обращены требования иностранных компаний. При этом достаточно выявить малейшую перспективу обращения на них взыскания.

Так в деле № А40-117326/2018 о взыскании задолженности в связи с ненадлежащим исполнением обязательств по договору, в котором истцом выступает английская компания, а ответчиком – российское акционерное общество, судом первой инстанции было отказано в признании и приведении решения LCIA в исполнение. В принятом судом решении, было указано, что приведение в исполнение решения LCIA, вследствие чего будет обращено взыскание на имущество лица, конечным бенефициаром которого является Российская Федерация, создает возможным нанесение ущерба бюджету РФ, путем вывода денежных средств на счета иностранных компаний. Также отмечается, что возможная ситуация нарушит принципы добросовестности и запрета злоупотребления правом (общие принципы права).

В этом примере демонстрируется безусловная защита государственного суверенитета в финансовой сфере, элементом которого являются бюджетные средства Российской Федерации. Очевидно, что потребности публичных субъектов права – РФ, ее субъектов и муниципальных образований – должны быть установлены в исчерпывающем легальном перечне [1, с 207]. Но стоит отметить, что стороной спорного правоотношения являлась негосударственная коммерческая организация, зарегистрированная на территории Великобритании. Учитывая этот факт, ограничены возможности для защиты и восстановления нарушенных прав субъекта, прямо не реализующим политику государства регистрации, введу

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

чего стоит острая необходимость в первую очередь определить, является ли данная компания средством реализации агрессивных элементов политики страны регистрации, представляющим действительную угрозу для государственного суверенитета в сфере финансов Российской Федерации. Потому как добросовестное поведение со стороны иностранного контрагента и ограничение возможностей восстановить или защитить нарушенное право введу лишь наличия с противоположной стороны конечного бенефициара – Российской Федерации создает негативный образ для международных частно-правовых отношений.

Некоторые специалисты в данной ситуации ссылаются на теорию абсолютного иммунитета государства в международном частном праве [3, с 3–12], которая имеет свое отражение в Федеральном законе от 3 ноября 2015 г. №297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации». Однако большинство развитых стран придерживается концепции ограниченного государственного иммунитета в международном частном праве, согласно которой, разграничивается государство как субъект политической власти, когда оно осуществляет властно-распорядительную деятельность, и как субъект коммерческих отношений, когда оно участвует в хозяйственной деятельности. На данной концепции основывается Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2004 г., не вступила в силу), участником которой является Российская Федерация.

С точки зрения обеспечения защиты государственного суверенитета, данная особенность однозначно имеет эффективность и о правильности таковой спора быть не может.

С другой стороны, если брать во внимание оценку перспектив международных частно-правовых отношений, такой подход безусловно не внушает доверия для иностранного элемента (организации), не создает позитивную и благоприятную почву для развития международных коммерческих отношений.

Стоит обратить внимание на то, что в процессе судебного разбирательства не все сведения о фактах должны быть доказываемы. В связи с недостаточным

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

как законодательным регулированием, так и теоретическим толкованием категории «общеизвестные обстоятельства» отсутствует единообразность судебной практики [2, с. 80].

Проблема неточности формулировок, даже учитывая публикации арбитражными центрами на своих сайтах, рекомендуемых типовых арбитражных оговорок, все еще актуальна, что безусловно не может не приводить к спорам касательно юрисдикции, компетенции и проистекающим из этого проблемам признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Российской Федерации.

Сталкиваясь с проблемой неясных и нечетких арбитражных оговорок, суды устанавливают истинные намерения сторон в отношении механизма разрешения споров, обращают внимание на переговоры и переписку, поведение сторон, выбранное применимое право. При этом данные «показатели» обычно превалируют над заключениями лингвистов.

При возникновении проблем неясности и нечеткости арбитражных оговорок, суд должен установить истинные намерения сторон в отношении механизма разрешения споров. Суд обращает внимание на поведение стороны, выбранное применимое право, переговоры и деловую переписку. Во многих случаях сложившееся по итогу мнение суда преобладает над заключениями лингвистов.

Примером такой проблемы служит дело №А40-337611/2019, в котором основой правоотношений между английским консалтинговым (специализированным) агентством и российским известным футбольным клубом являлся договор возмездного оказания услуг, в котором было указано условие, что споры по договору разрешаются путем переговоров, а в случае невозможности решения спора путем переговоров, он подлежит рассмотрению в Арбитражном суде города Москвы. Также в нем было указано: при передаче дела в Спортивный арбитражный суд (CAS), спор будет рассматриваться единолично арбитром на английском языке.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В последующем, CAS принял решение в пользу английской компании о взыскании с российского футбольного клуба денежных средств, после чего, поступило заявление в арбитражный суд о признании и приведении этого решения в исполнение. Главным обстоятельством, который стремился установить суд, являлась заключенность арбитражного соглашения. В доказательство этого факта, со своей стороны, заявитель сослался на заключение комиссии лингвистов-специалистов, в которой, с ссылкой на положения договора, они приходят к выводу о наличии права выбора подсудности у заявителя, а также установили, что должник по договору своевременно не оспорил компетенцию CAS. Возражая против позиции стороны заявителя, ответчик обосновывает свое понимание договора, как не содержащего согласованной воли сторон о передаче спора в CAS, не отвечающем критериям исполнимости и не содержащего существенных условий арбитражного соглашения.

Судом первой инстанции было отказано в признании и приведении решения CAS в исполнение, также в решении суд указал, что арбитражная оговорка является нечеткой и не обладает определенной формулировкой. Воля сторон на рассмотрение спора альтернативным путем не была подтверждена материалами дела, доказательств, свидетельствующих о факте заключения соглашения на передачу споров в CAS судом не выявлено.

Суд обращает внимание на место подписания договора, им является г. Москва, а применимым правом установлено право РФ, текст же договора составлен только на русском языке. Это и приводит к выводу, что спор разрешен некомпетентным международным коммерческим арбитражем, в условиях отсутствия соответствующего арбитражного соглашения. Все вышестоящие инстанции поддержали позицию суда первой инстанции.

Исходя из этого, суды прямо отмечают необходимость четкой формулировки арбитражных оговорок, которая нивелирует риск противоречивых толкований, в том числе лингвистических.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Очередной практической сложностью в судебно-арбитражной практике по данной категории дел заключается в начальной стадии ее формирования в Российской Федерации. Следовательно, она не обладает должной согласованностью и целостностью в применении как принципов, так и сложных понятий, встречающихся в международном коммерческом арбитраже.

Многие процессуалисты обеспокоены тенденцией, которая приобретает обширную практику, позиции России, называемый «изоляционизм» в отношении признаваемых в правовом пространстве множества стран с развитой правовой системой категорий и понятий в сфере международного коммерческого арбитража. Как следствие, имеют место случаи нарушения принципов, заложенных в международных договорах, участником или стороной которых является Российская Федерация.

Однако, учитывая общемировую тенденцию к снижению темпов глобализации, пересмотре основ международного сотрудничества, а также в условиях жестких санкций, такая позиция России наиболее полно отвечает государственным интересам.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений, как сфера арбитражно-процессуальной деятельности имеет свои особенности и собственные дискуссионные, порой проблемные вопросы. От принципов, на базе которых будет реализовываться данное право, зависит положение Российской Федерации и юридических лиц, в ней зарегистрированных, на мировом рынке товаров и услуг. Потому необходимо уделять должное внимание консолидации выносимых судебных решений, с целью выработки определенной практики.

Список литературы

1. Гринь Е.А. Некоторые вопросы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд / Е.А. Гринь // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011 – №7. – С. 205–216.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2. Гринь Е.А. Оценочный признак общеизвестных фактов / Е.А. Гринь // Правовое обеспечение агропромышленного комплекса: современное правовое регулирование и перспективы развития законодательства. Сборник статей II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2021. – С. 78–82.

3. Литвинский Д.В. Взаимность в области признания и исполнения решений судов иностранных государств / Д.В. Литвинский // Журнал международного частного права. – 2002. – №2–3 (36–37). – 18 с.

4. Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений / А.И. Муранов. – М.: Статут, 2003. – 192 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)